

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 1

doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-43-51

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ИНДОКТРИНАЦИЯ, КАНСЕЛЛИНГ, РЕКОНСТРУКЦИЯ

© *Евгений Ефимович Несмеянов¹, Александр Михайлович Старостин², Елена Николаевна Тованчова³*

^{1, 2}*Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия;*

³*Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия*

³*etovanchova@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются особенности формирования исторической памяти в современном российском обществе в контексте феноменов индоктринации, канселлинга и реконструкции. Акцент сделан на анализе влияния «культуры отмены», как западного гуманитарно-технологического инструмента, трансформирующегося в российском культурном и образовательном пространстве. Особое внимание уделено различию гуманитарно-научных и естественно-научных подходов к истине, что позволяет точнее определить специфику исторической Правды. Подчеркивается, что историческая память функционирует одновременно как когнитивная, ценностная и социально-ориентирующая система. Раскрываются риски девиаций и искажений, порождаемых как политической инструментализацией, так и культурно-социальными особенностями общества. Делается вывод о необходимости системного мониторинга, развития методов реконструкции исторической памяти и сопряжения понятий Истина и Правда для обеспечения устойчивого воспроизводства национальной идентичности.

Ключевые слова: историческая память, индоктринация, канселлинг, культура отмены, реконструкция, историческая правда, национальная идентичность, патриотический дискурс, гуманитарное знание, социокультурные практики.

Для цитирования: Несмеянов Е.Е., Старостин А.М., Тованчова Е.Н. Историческая память: индоктринация, канселлинг, реконструкция // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 113. № 6. С. 43-51. doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-43-51

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

Historical memory: indoctrination, cancelling, reconstruction

© *Evgeny E. Nesmeyanov¹, Alexander M. Starostin², Elena N. Tovanchova³*

^{1, 2}*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation;* ³*Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don, Russian Federation*

³*etovanchova@gmail.com*

Abstract. The article considers the features of the formation of historical memory in modern Russian society in the context of the phenomena of indoctrination, cancelling and reconstruction. The emphasis is placed on analyzing the impact of the "cancellation culture" as a Western humanitarian and technological tool that is being transformed in the Russian cultural and educational space. Special attention is paid to the difference between humanitarian-scientific and natural-scientific approaches to the truth, which makes it possible to more accurately determine the specifics of historical Truth. It is emphasized that historical memory functions simultaneously as a cognitive, value-based and socially-oriented system. The risks of deviations and distortions generated by both political instrumentalization and cultural and social peculiarities of society are revealed. It is concluded that there is a need for systematic monitoring, the development of methods for the reconstruction of historical memory and the coupling of the concepts of Truth and Truth to ensure the sustainable reproduction of national identity.

Key words: historical memory, indoctrination, cancelling, culture of abolition, reconstruction, historical truth, national identity, patriotic discourse, humanitarian knowledge, socio-cultural practices.

For citation: Nesmeyanov E.E., Starostin A.M., Tovanchova E.N. Historical memory: indoctrination, cancelling, reconstruction. *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 113. No 6. P. 43-51. doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-43-51

Введение

Современное российское общество сталкивается с острыми вызовами в сфере сохранения и осмысления исторической памяти. Процессы формирования и трансформации коллективного представления о прошлом оказываются тесно связаны с явлениями индоктринации, канселлинга и реконструкции. В условиях глобальных культурных и технологических изменений особое значение приобретает феномен «культуры отмены» – изначально западный гуманитарный инструмент, который, попадая в российский социокультурный и образовательный контекст, претерпевает существенные модификации.

Актуальность исследования определяется тем, что пересмотр исторических нарративов происходит не только под воздействием внешних идеологических импульсов, но и вследствие внутренних процессов естественной утраты памяти. В этом контексте особое внимание заслуживает различие между гуманитарно-научными и естественно-научными способами постижения истины, позволяющее уточнить содержание и специфику исторической Правды.

Историческая память предстает как многослойная система, объединяющая когнитивные, ценностные и социально-ориентирующие функции. Однако её функционирование сопряжено с рисками девиаций и искажений, возникающих как в результате политической инструментализации прошлого, так и в силу культурно-социальных особенностей общества. Учет этих факторов требует разработки системного мониторинга, совершенствования методов реконструкции исторической памяти и соотнесения категорий Истина и Правда, что становится необходимым условием устойчивого воспроизводства национальной идентичности.

Цель статьи – проанализировать особенности формирования исторической памяти в современном российском обществе в условиях влияния внешних гуманитарно-технологических практик (в частности, феномена «культуры отмены») и внутренних процессов естественной утраты памяти, а также определить соотношение категорий «Истина» и «Правда» в историческом познании как фактор устойчивого воспроизводства национальной идентичности. Методы исследования основаны на междисциплинарном подходе и включают сравнительный анализ гуманитарных и естественно-научных моделей истины, социокультурный и дискурсивный анализ исторических нарративов, а также обращение к данным социологии знаний.

Обсуждение

В современном российском обществе формирование исторической памяти происходит под влиянием как внешних идеологических факторов, связанных с феноменом «культуры отмены», так и внутренних процессов естественной утраты памяти. Эти механизмы ведут к деформациям и абберрациям в восприятии прошлого, что особенно заметно в интерпретациях событий XX в. и Великой Отечественной войны. Практика канселлинга проявляется не только в форме преднамеренного пересмотра исторических нарративов, но и в стихийной «естественной отмене» вследствие утраты источников и носителей памяти. Для противодействия этим процессам необходимы системный мониторинг состояния исторических знаний, развитие реконструкционных практик и сопряжение категорий Истина и Правда, позволяющее сохранить целостность национальной идентичности.

В последние десятилетия в российском обществе наблюдается рост интереса к вопросам национальной идентичности, исторической памяти и патриотизма, особенно в контексте подготовки к юбилейной дате – 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Возрастающая актуальность данных тем обусловлена не только внутренней потребностью в консолидации нации, но и внешними вызовами, сопряжёнными с нарастающим культурно-идеологическим давлением со стороны стран Запада. Одной из ключевых форм этого давления становится феномен «культуры отмены» или «канселлинга», который, трансформировавшись из западной социально-гуманитарной

практики, начинает активно воздействовать и на российское культурное, информационное и образовательное пространство [1].

Современный российский патриотический дискурс формируется в условиях интенсивного пересмотра исторических нарративов, деформации памяти о событиях XX в., особенно связанных с Великой Отечественной войной и ролью СССР во Второй мировой. Этот процесс, в значительной степени индуцированный извне, сопровождается сложным сплетением технологий репрезентации, ценностной релятивизации и политической инструментализации исторического знания. Следствием становится не только утрата смысловых ориентиров, но и возникновение кризиса исторического сознания, особенно среди молодого поколения, подверженного влиянию глобализированных медийных практик и идеологических установок.

Однако нельзя не отметить, что «культура отмены» существует не только в режиме канселлинга, гуманитарно-технологической подготовки и специально организованного воздействия.

Есть и другой режим, обусловленный стихийно-эволюционным развитием общества. И здесь утрата исторической информации в силу не востребоваемости исторических знаний, утраты архивных документов, библиотек, важных свидетелей, определенные смещения и абerrации в восприятии исторических событий приводят к «естественной отмене истории». Яркой иллюстрацией этого служит так называемый «метод Ферро», впервые представленный в широко известной книге Марка Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира». Этот труд, неоднократно переиздававшийся с 1980-х годов, принадлежит перу представителя знаменитой школы «Анналов». Проанализировав учебники и программы более чем 50 стран, Ферро продемонстрировал, насколько существенно на репрезентацию прошлого влияют такие ценностные факторы, как этноцентризм, идеоцентризм, лидероцентризм и событийный центризм.

М. Ферро, опираясь на материалы, в том числе по ряду бывших республик СССР, убедительно продемонстрировал наличие абerrаций исторической памяти. Эти искажения проявляются в устойчивой тенденции к гипертрофированию исторической значимости «успешных» эпизодов (военно-политических побед, экономических, социальных и культурных достижений) при одновременном умалении, маргинализации или полном исключении из событийного ряда поражений, утрат и, по существу, высокой «цены» достигнутых результатов. В совокупности подобная селективность репрезентаций прошлого ведёт к конструированию несбалансированной исторической картины, в которой позитивные нарративы систематически преобладают над критической рефлексией о негативных последствиях и издержках.

Применительно к гуманитарно-технологическому режиму канселлинга обычно используют спектр контртехнологий, с помощью которых дезавуируют исторические фальсификации и фальсификаторов; расширяют ряд справочных, энциклопедических, информационных изданий с приоритетных позиций для страны, освещающих важные исторические события; готовят новые поколения учебников, учитывающих не только действие фактора «отмены», но и более углубленно освещающих известные события; проводят конкурсы и олимпиады на лучшее знание истории среди школьников и студентов и методические конкурсы среди учителей; расширяют программные объемы изучения наиболее важных исторических событий и т.д. В целом методология и методика здесь хорошо известна. Недостает систематического мониторинга реального состояния исторических знаний и приоритетов по методологическим и когнитивным рекомендациям «социологии знаний» и «социологии науки». Эти данные ситуативны.

Что касается *стихийного режима* «отмены», то он требует более сложной системы действий. Ибо стихийно-эволюционное развитие исторической памяти, ввиду утери многих исторических артефактов по обстоятельствам непреодолимой силы, требует, во-первых, развития системы методов исторического познания, позволяющих представить память об истории аутентично, системно, а то и в модельно-динамичных формах (что позволяет делать современная компьютерная техника). К примеру, список отечественных приоритетных исторических проблем, по которым нет консенсуса и которые дают почву для исторических и мировоззренческих спекуляций, недавно представил известный отечественный философ и политолог А.Г. Дугин. Он не очень велик, но в него входят вопросы о началах Руси и Русского государства, об истоках и значимости концеп-

ции «Москва – Третий Рим», нет консенсуса относительно событий 1917 г., да и по поводу причин крушения СССР и утраты его суверенитета. Без стимулирования академических и прикладных исследований в этих основополагающих областях мы не сможем дать убедительных и компактных версий популярного и учебного характера и быть успешными в исторической пропаганде.

И еще один важный аспект проявления исторической памяти, связано с ее реконструкцией и более освоенный исторической наукой и историко-научными исследованиями. Он непосредственно связан с сопряжением таких понятий, как «историческая истина» и «историческая память». Хотелось бы подчеркнуть следующие особенности, позволяющие уточнить сущностные характеристики когнитивно-ценностных образов крупнейших событий, выводящие на уровень закономерностей и базовых тенденций исторического процесса.

Истина рассматривается как рационально-когнитивный конструкт, репрезентирующий реальность и закрепляющийся, в идеале, в безличной, отвлечённо-абстрактной форме. Достаточно вспомнить методологические усилия Рене Декарта, который, выдвинув принцип «*cogito, ergo sum*», предложил искать несомненное основание знания через радикальное сомнение и тем самым положил начало той линии мышления, где истина конструируется путём очистки сознания от случайного, субъективного и иллюзорного. Подобную установку продолжили Галилей и Ньютон: в их трудах физическая реальность предстала как система объективных законов, независимых от произвольных интерпретаций. Тем самым когнитивная техника «очищения разума» (снятие субъективных и контингентных искажений) стала не просто философским приёмом, а фундаментом институциональной науки Нового времени, закреплённой в её строгих методах и процедурах.

Однако истина функционирует не только в отвлечённой, теоретической сфере, но и на эмпирическом уровне. «Истина факта» формируется в условиях контролируемого наблюдения и специализированной когнитивной практики – эксперимента. Здесь можно привести пример открытия Луи Пастера, чьи опыты с пастеризацией и доказательство невозможности самопроизвольного зарождения микроорганизмов показали, что истина выстраивается как результат строгой экспериментальной верификации. Или, в более широком историческом плане, можно вспомнить Нюрнбергский процесс: его значение заключалось не только в юридической фиксации преступлений, но и в установлении «истины факта» через документирование, свидетельства и воспроизводимые доказательства – несмотря на все попытки идеологического искажения.

Значит, истина проявляется в двух взаимодополняющих измерениях: как отвлечённый, рациональный конструкт, стремящийся к универсальности и надличности, и как конкретно-эмпирическая фиксация факта, неотделимая от контекста наблюдения и проверки. Их взаимодействие и взаимная коррекция задают основу для формирования когнитивно-ценностных образов, через которые общество интерпретирует и закрепляет крупнейшие исторические события, превращая их в элементы долговременных тенденций исторического процесса. По мере дифференциации научного знания и формирования в нём базовых исследовательских программ оформились, в общих чертах, две научные субкультуры – естественнонаучная и гуманитарная, – каждая из которых обладает собственными наборами норм и ценностей, задающими стратегию поиска истины.

В области естественных наук и теоретического техникзнания (инженерного знания) фундаментальными ориентирами выступают такие концепты, как объект, предмет, теория, гипотеза, проблема, объяснение, закон, причина и факт. Именно они формируют понятийную архитектуру научного поиска и очерчивают границы истинного, то есть проверяемого и воспроизводимого знания. Так, формулировка закона всемирного тяготения Исааком Ньютоном стала классическим примером перехода от гипотезы и эмпирических наблюдений (движение планет, описанное Кеплером) к универсальному объяснению, обладающему статусом научной истины. В XX в. аналогичную роль сыграла теория относительности Альберта Эйнштейна, где привычные категории пространства и времени были переосмыслены в рамках более общей теоретической системы, подтверждённой последующими экспериментальными данными – от смещения перигелия Меркурия до гравитационного линзирования. Эти примеры показывают, что для естественных наук истина предстает как результат последовательной проверки гипотез в условиях строгих методологических процедур.

Для гуманитарных наук базовые ориентиры иные: субъект, концепт, дискурс, смысл, факт, текст, контекст, ценности, понимание и интерпретация. Они определяют программу гуманитарного исследования и задают конфигурацию истины в рамках конкретной мировоззренческой системы координат. Здесь истина чаще носит характер интерпретации, встроенной в культурно-исторический контекст. Например, историография Французской революции в трудах Жюль Мишле или Альбера Сореля демонстрирует, что одно и то же событие может рассматриваться как триумф народного духа или как разрушение социальной стабильности – в зависимости от исследовательской оптики. Аналогично в филологии герменевтическая традиция, восходящая к Фридриху Шлейермахеру и Гансу-Георгу Гадамеру, утверждает, что понимание текста не может быть сведено к «объективному факту», но всегда предполагает соотнесение с контекстом, ценностями и горизонтом ожиданий интерпретатора.

В естественных и гуманитарных науках истина конституируется по-разному: в первом случае – как результат строгой верификации гипотез и построения универсальных законов, во втором – как интерпретация смыслов и ценностей в пределах определённой дискурсивной и культурной рамки. [7].

Следует подчеркнуть, что долгие десятилетия «матрица истины», принятая при естественно-технократическом подходе, навязывается и в известной мере дезориентирует своими нормами и стандартами научный поиск в гуманитарном знании и познании. Это чувствуется даже при форматировании диссертационных работ и статей. Они по сей день уподобляются работам в естествознании и инженерных науках. Это говорит о том, что историческая Правда по своей структуризации очень близка именно гуманитарно-научной субкультуре [6]. Поэтому при внесении корректив в девиации исторического знания на уровне гуманитарного научного знания и знания повседневной практики или художественной практики это следует учитывать прежде всего.

Правда может рассматриваться как феномен общественного сознания, в котором рационализированная составляющая неизбежно переплетена с эмоционально-мировоззренческим фоном, ценностными установками и элементами национальной идентичности. В отличие от истины, ориентированной на когнитивную проверяемость и универсальность, правда соотнесена прежде всего с общественно-значимыми интересами и переживаемыми коллективными ценностями.

Содержательно правда субъективизирована и проявляется на разных уровнях жизненного опыта: от макроисторического (народные победы или национальные катастрофы) до микроуровня индивидуальной судьбы. Так, в российской культурной традиции правда тесно связана с памятью о Великой Отечественной войне: официально зафиксированные факты сражений приобретают дополнительное измерение «правды» через личные воспоминания, семейные истории и коллективные ритуалы памяти. Аналогичные механизмы можно наблюдать и в других обществах: например, в США общественная «правда» о Великой депрессии была выражена не только в экономических отчётах, но и в художественных формах – фотографиях Доротеи Ланж, романах Джона Стейнбека, которые зафиксировали человеческое измерение национальной трагедии.

Процесс субъективизации правды носит поуровневый характер: она артикулируется на уровне общества в целом (национальные нарративы), социальных групп (классовые или этнические интерпретации), семьи (передача опыта через личные истории) и личности (индивидуальное переживание). При этом сохраняются процедуры рационализации и подтверждённости: коллективное сознание стремится соотнести эмоционально значимые интерпретации с историческими фактами и культурными кодами. Характерный пример подобной амбивалентности находим у А.С. Пушкина: «Но поражение от Победы ты сам не должен отличать», – где фиксируется сложное соотношение объективного исхода событий и субъективной их оценки.

Функция правдивого знания и опыта прежде всего социально-ориентирующая: оно выступает в качестве инструмента «социальной навигации», обеспечивающего как самосохранение, так и саморазвитие социума и личности. Именно поэтому правда становится важнейшим элементом формирования коллективной идентичности и механизмом адаптации общества к вызовам истории.

ческого процесса. В этом плане гуманитарно-научная версия Истины и историческая Правда сопряжены и дополняют друг друга. С этим сопряжением мы отчетливо сталкиваемся при репрезентации крупных исторических событий (войн, революций, социальных кризисов и катастроф). И здесь зачастую в одном узле сопрягаются, дополняя друг друга и проверяя друг друга, историческая Истина и историческая Правда (фольклор, раритеты, музейные образцы, памятники, мемуары и др.) а в особенности художественная Правда в произведениях искусства: правда художника и отклик на нее [3].

Историческая Правда, понимаемая как совокупность гуманитарных знаний, складывающихся преимущественно в пространстве социальной (вне профессионально-научной) практики, неизбежно сосуществует с феноменами, выступающими её альтернативами – в пределе с заблуждением как основной оппозицией Истине. К числу таких феноменов относятся преднамеренная ложь (в просторечии – «кривда»), вымысел, практики «отмены» (исключение неудобных элементов из публичной памяти) и избирательная репрезентация прошлого (селективное конструирование нарратива и корпуса фактов).

Производство и распространение этих альтернатив поддерживают институциональные механизмы массовой коммуникации – пропаганда, политическая и социальная реклама; в американской медийной традиции это нередко артикулируется в формуле «no publicity – no prosperity» («без известности нет процветания»), подчеркивающей функциональную связь видимости и успеха. В отличие от научного поиска, ориентированного на процедурную верифицируемость и независимую экспертизу, поиск исторической Правды принципиально погружён в контексты национальных интересов, мировоззренческих установок и идеологий больших социальных групп. Это системно порождает как интенциональные, так и непреднамеренные искажения – от «синдрома произвольной лжи» до завышенных оценок значимости событий, деформирующих представление о Правде [5]. Недаром цитируется афоризм, приписываемый О. Бисмарку: «Никогда не лгут так много, как после охоты, перед выборами и во время войны».

Наряду с институциональными факторами существенны и социокультурные модусы осмысления прошлого. Так, в российской традиции заметен высокий удельный вес психоэмоциональной и образной оптики восприятия истории, что эксплицируется в общеизвестных формулировках: «Умом Россию не понять» и «Мысль изречённая есть ложь» (по Ф. Тютчеву). Эти выражения фиксируют эпистемологическую установку на первичность интуитивно-ценностного постижения по отношению к аналитическому дискурсу и тем самым влияют на траектории движения к исторической Правде.

В западной традиции историческая Правда более рационализована, схематична, скалькулирована. Все эти особенности проецируются с «достоверных свидетельств» исторических фигур на обобщенные образы исторических событий и на их последующую репрезентацию в учебниках, энциклопедиях, справочниках. Сказанное не только вполне применимо к такому событию, как Великая Победа 1945 г., но и требует все большей актуализации, поскольку все больше «искрит» на «стыках» указанных разных форм репрезентации событий и их восприятия.

И в заключении несколько комментариев по поводу результатов недавно проведенного экспертного опроса по программе «Ценностно-патриотические регулятивы в формировании исторической культуры молодежи» (Ростов-на-Дону, Южно-Российский институт – филиал РАНХиГС (ЮРИУ РАНХиГС), опрошено 259 экспертов).

Следует подчеркнуть, что экспертное сообщество представлено было достаточно референтными группами, владеющими ситуацией по формированию исторической культуры молодежи и ее патриотического воспитания. Так, в составе экспертов более 37% представлено политико-административной элитой регионального и местного уровня, а также государственными и муниципальными служащими различных видов службы. Около 21% – представители организаций культуры и образования; около 20% – ученые, работники вузов; 10% – представители СМИ, журналисты, члены общественных организаций; 5% – бизнесмены, предприниматели; 4% – духовенство.

Первый вопрос – оценка ситуации в изучаемой области (табл. 1).

Таблица 1

**Насколько, на Ваш взгляд, объективно освещаются события
Второй мировой войны и участия в ней СССР в отечественных СМИ?**

Варианты ответов	% ответивших
Освещаются взвешенно и объективно, отражая реальный взгляд стран-участников в происходивших событиях	67,6
Необъективно, преувеличивается роль англо-американских союзников и принижается роль СССР.	14,3
Необъективно, преувеличивается роль СССР и принижается роль союзников.	3,9
Другое	6,5
Затрудняюсь ответить	7,7

Две трети экспертов считают, что оснований для беспокойства нет. Но такие оценки не совсем релевантны той степени обеспокоенности, которая витает в выступлениях Президента РФ, части нашей политической элиты, и их реакции в виде директивных решений и поручений: новые учебники и стандарты, новые программы и подходы к патриотическому воспитанию. Необходимость более адресного и глубинного мониторинга в сфере социологии исторических знаний; заряженность на выявление групп молодежи, проявляющих исторический дилетантизм и патриотическую инфантильность. Иначе говоря, необходимо делать бóльший акцент и в наших исследованиях на эффективности работы и ее результатах.

Второй вопрос (табл. 2).

Таблица 2

**Какие из перечисленных мероприятий/проектов
о Великой Отечественной войне Вы можете считать приоритетными
(не более трех вариантов)?**

Варианты ответов	% ответивших
Благотворительные акции, совместная реальная помощь ветеранам и пожилым людям, посещение домов престарелых	54,8
Интерактивные выставки с интересными фактами и анимацией	49,0
Патриотический фильм с захватывающим сюжетом	37,5
Активизация научных исследований по проблематике Великой Отечественной войны, повышение роли соответствующих университетских факультетов, кафедр и подразделений Института истории РАН	35,1
Совершенствование издательской деятельности	22,4
Музыкальный концерт «Песни Войны»	19,3
Театральная постановка по указанной тематике	18,1
Стараюсь посещать по возможности все патриотические мероприятия	15,1
Другое	8,1
Мероприятия по военной тематике для современного общества малоинтересны	1,5

Хорошо, что высокий удельный вес по-прежнему имеют деятельные формы, а не только пропагандистски-ознакомительные. Но пока не вошли в новый обиход такие яркие массовые формы, как хорошо воспринятые обществом шествия «Бессмертный Полк». Набирает силу движение «Дети войны», поскольку более 95% ветеранов войны и труда уже ушли из жизни. Очень нужны массовые формы, где уже участвуют внуки и даже правнуки, методом погружения включающиеся в знания и образы прошедшей войны. Но набегают сюжеты, освещающие приближающуюся Победу в защите суверенитета и в разгроме неофашистских проявлений.

Третий вопрос (табл. 3).

Таблица 3

Как Вам кажется, с течением времени меняется ли отношение общества к событиям Великой Отечественной войны?

Варианты ответов	% ответивших
Как и в прежние времена события Великой Отечественной войны вызывают чувство гордости за свою страну и свой народ	56,4
В современном мире события Великой Отечественной войны постепенно теряют свою актуальность	20,1
С течением времени интерес к событиям Великой Отечественной войны возрастает	14,2
Другое	7,3
Интерес общества к событиям Великой Отечественной войны полностью утерян	0,8
Затрудняюсь ответить	1,2

Хотелось бы, чтобы значительно увеличилась доля экспертов (и населения), которая свидетельствует о росте интереса к событиям 80-летней давности. И чтобы это был не каждый седьмой (14, 3%), а каждый третий или второй. Но для этого нужно постараться нашим политическим лидерам и деятелям науки, культуры и образования. Нужны и новые Победы.

Второе направление, связанное со стихийным процессом «отмены», касается реконструкционной и экспозиционной работы: развитие центральных и местных музеев и укрепление, и оцифровка архивов; подготовка масштабных историко-экскурсионных маршрутов; реконструкция исторических памятников и памятников культуры; поддержка стиля и содержание ретро в искусстве и моде и многое другое. Думается, что этот трек – только кажущийся поклон консерватизму. Однако в нем заложен огромный инновационный пласт «воскрешения корней».

Здесь речь идет о возможности вписывания ряда крупных и масштабных событий российской истории, включая и Великую Отечественную войну, в ее цивилизационную историю и концепцию Российского государства-цивилизации. Причем без внутренних «отмен» и изъятий важнейших лиц, событий, последствий. Думается, что пока мы в начале пути и многое делаем «механически» – агрегативно. Однако только этот путь позволяет сформировать аутентичную социальную и личностную идентичность в столь разноплановом и разноуровневом обществе, как Россия и российская цивилизация. Ибо в рамках этой цивилизационной оболочки меняются политические режимы и ведущие социально-политические программы, действующие в конечном историческом интервале, а общим остается цивилизационный код на протяжении всего эволюционного пути России. А он, нужно полагать, долгий. По меньшей мере, как думал наш национальный гений Л. Гумилев – не менее 500 лет.

Выводы

Проведённый анализ показал, что историческая память в современном российском обществе формируется под воздействием как внешних идеологических практик, включая феномен «культуры отмены», так и внутренних процессов естественной утраты памяти. Эти факторы создают риски искажений и девиаций, которые проявляются в селективности репрезентации прошлого и кризисе исторического сознания, особенно среди молодежи. Сравнение гуманитарных и естественнонаучных моделей истины позволило уточнить специфику исторической Правды, где рациональное знание неизбежно сопряжено с ценностными и эмоциональными компонентами. Поддержание баланса между Истиной и Правдой выступает важным условием формирования аутентичного образа прошлого и укрепления национальной идентичности. Для этого необходимы системный мониторинг состояния исторических знаний, развитие методов реконструкции исторической памяти и включение современных технологий в практику её сохранения и трансляции. В долгосрочной перспективе именно сопряжение научного подхода и социокультурных практик позволит минимизировать риски утрат и фальсификаций, обеспечивая преемственность исторического опыта.

Список источников

1. Былевский П.Г., Цацкина Е.П. Феноменологический анализ явления «культуры отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2 (857).
2. Дугин А.Г. Программный код // Завтра. 2005. № 4 (1618).
3. Ильин В.В. Философия истории // Философия социальных и гуманитарных наук. М.: Академический проект, 2006. С. 649–704.
4. Наухацкий В.В. Великая Отечественная война: дискуссионные вопросы истории в исторической политике. Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2021.
5. Несмеянов Е.Е. Ложь и ирония как феномены социально-политической и обыденной жизни современного общества (очерки). Ростов-на-Дону, 2024.
6. Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. СПб.: Алетейя, 2010.
7. Старостин А.М. Война как концепт и образ жизни // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 3 (142). С. 134–138.
8. Старостин А.М., Швец Л.Г. Актуальные проблемы политической науки в контексте политической философии. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2015.
9. Ферр Гровер. Оболганный сталинизм. Клевета XX съезда. М.: Алгоритм, 2015.

References

1. Bylevsky P.G., Tsatskina E.P. A phenomenological analysis of the phenomenon of “cancellation culture” // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2022. No. 2 (857).
2. Dugin A.G. Program code // Tomorrow. 2005. No. 4 (1618).
3. Ilyin V.V. Philosophy of History // Philosophy of Social and Humanitarian Sciences. M.: Academic Project, 2006. P. 649-704.
4. Naukhatsky V.V. The Great Patriotic War: controversial issues of history in historical politics. Rostov-on-Don: Russian State Economic University (RINH), 2021.
5. Nesmeyanov E.E. Lies and irony as phenomena of socio-political and everyday life of modern society (essays). Rostov-on-Don, 2024.
6. Rejabek E.Ya., Filatova A.A. Cognitive cultural studies. St. Petersburg: Aleteya, 2010.
7. Starostin A.M. War as a concept and way of life // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2022. No. 3 (142). P. 134-138.
8. Starostin A.M., Shvets L.G. Actual problems of political science in the context of political philosophy. Rostov-on-Don: YURIU RANHiGS, 2015.
9. Ferr Grover. Slandered Stalinism. Slander of the XX Congress. M.: Algorithm, 2015.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025; одобрена после рецензирования 20.09.2025; принята к публикации 22.09.2025.

The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 20.09.2025; accepted for publication 22.09.2025.